КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ЕКАТЕРИНА СВЕТ

Измена мужа.

Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твою грязную тайну!

Екатерина Свет

Измена мужа. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твою грязную тайну!

«Автор»
2026

Свет Е.

Измена мужа. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твою грязную тайну! / Е. Свет — «Автор», 2026

Я вернулась с ночной смены и застала мужа у камина с любовницей. В огне погибали мои научные записи, а Артём уже присвоил себе открытие, которому я посвятила десять лет.Он подделал мою подпись, лишил работы, выгнал из дома и объявил психически нестабильной. Его новая женщина смеялась мне в лицо.Они думали, что уничтожили все доказательства.Но у меня остался крошечный фрагмент старинного пергамента, способный разоблачить их ложь.Теперь на кону не только моя репутация, но и бесценное культурное наследие. А рядом появился опасный мужчина, который неожиданно предлагает помощь.Сумею ли я вернуть своё имя и снова поверить в настоящую любовь?

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Камила Левитан, Екатерина Свет Измена мужа. Ты присвоил мою работу, но я раскрыла твою грязную тайну!

Глава 1

Я узнала этот запах ещё на пороге. Горелым тянуло из-под двери; даже духи Артема, которыми обычно был пропитан его дорогой шёлковый халат, не могли его заглушить. Горелая бумага. Точнее, пергамент. Специфическая нота связующего вещества — желток и мумие, смешанные с дымом. Этот аромат висел в воздухе в три часа ночи, когда я вернулась домой после ночной смены в реставрационной лаборатории Государственного музея.

Мои пальцы еще пахли растворителем и старой пылью веков. Голова гудела от напряжения: последние двенадцать часов я восстанавливала фрагмент «Евангелия Тарасова», манускрипта XVII века, который считали утраченным навсегда. Я знала каждую трещину на этом листе; даже сейчас, закрыв глаза, могла найти участок, к которому нельзя прикасаться сухой кистью. Дома хотелось только вымыть руки и уснуть.

Ключ повернулся в замке с щелчком, слишком громким для тишины квартиры. Ожидая увидеть свет ночника и спящего мужа, я наткнулась на смех. Звонкий, стеклянный, чужой.

— Ты просто обязана это оценить, Лиза. Это не просто проект, это... концепция.

Голос Артема. Он всегда говорил так, когда лгал или продавал воздух. Но сегодня в этом голосе было что-то новое. Торжество. Холодное, жирное торжество победителя, который уже подсчитал прибыль.

Я вошла в прихожую. Туфли на каблуках простучали по паркету, эхом разносясь по пустому коридору. В гостиной горел камин. Живой огонь плясал в зеве дымохода, освещая лица двух людей, сидящих на диване. Артем держал бокал красного вина, а рядом с ним, закинув ногу на ногу, сидела девушка лет двадцати восьми. Идеальная укладка, белоснежная улыбка, глаза хищницы, которая только что заглотила добычу.

Лиза Кронберг. Дочь того самого олигарха, чьи деньги Артем пытался привлечь к нашему фонду последние полгода.

— Марина! — Артем даже не поднялся. Он сделал глоток вина, оставляя на губах багровую полоску. — Ты рано. Я думал, ты до утра будешь возиться со своей бумажной трухой.

На следующем шаге я замерла: мышцы спины свело судорогой, будто я опять двенадцать часов просидела над столом, боясь испортить единственный лист. Я сделала шаг вперед, чувствуя, как холод от паркета пробирается даже через подошвы туфель. Запах дыма становился плотнее, удушливее.

— Что здесь происходит? — мой голос сорвался, превратившись в шепот.

— Мы обсуждаем будущее, — Лиза усмехнулась, глядя на меня сквозь ресницы, слипшиеся от слоёв туши. — А ты мешаешь важному разговору, дорогая. Иди спать. Или куда там ты идешь после работы? В свою маленькую мастерскую, где никто не знает твоего имени?

Она произнесла «маленькая мастерская» и оглядела мои руки. Под ногтями ещё темнел пигмент, который не взяло мыло в лаборатории. Я спрятала пальцы в ладонь — и тут же разжала. Мне стыдиться было нечего.

Артем наконец встал. Он подошел ближе, но не ко мне. Он перекрыл проход к камину. Его взгляд скользнул по моему лицу, оценивая ущерб, который он уже нанес.

— Уйди, Марина, — сказал он тихо, почти ласково. — Тебе лучше не видеть то, что сейчас происходит. Для твоего же психического здоровья.

«Психического здоровья». Эти слова ударили сильнее пощечины. Я попыталась пройти мимо него, толкнув плечом. Артем перехватил мою руку. Его хватка была железной — неожиданно сильной для человека, который проводил дни за гольфом и шампанским.

— Пусти! — выдохнула я, чувствуя, как кости запястья хрустят.

Он не пустил. Вместо этого он потянул меня назад, к стеллажу, который стоял в углу гостиной. Раньше там лежали мои архивные коробки. Пятьдесят лет истории Москвы, собранные мной лично. Сканы оригиналов, черновики реконструкций, физические образцы красок. Все, что доказывало, что именно я восстановила «Евангелие Тарасова».

Сейчас стеллаж был пуст. Абсолютно, стерильно пуст. Только слой пыли на верхних полках да пустые ячейки, смотревшие на меня черными провалами.

— Где они? — спросила я, забыв о боли в руке. Голос дрожал, но не от страха. От ярости.

— Хлам, — Артем отпустил мою руку и поправил манжету рубашки. — Старые файлы, ненужные копии. Я решил освободить место для новых проектов. Цифровых. Чистых. Без этой... пыли.

— Там были оригиналы сканов, — сказала я медленно, понимая, что земля уходит из-под ног. — Там были ключи доступа к серверной. Там было всё, что я делала десять лет.

— Ты преувеличиваешь, как всегда, — перебил он. — Ты слишком эмоциональна, Марина. Слишком мила для бизнеса. Именно поэтому я и принял решение.

Он достал из кармана брюк сложенный лист бумаги. Протянул его мне. Я взяла его трясущимися руками. Бумага была холодной, влажной от чьих-то рук.

Это был договор. Об увольнении. О выселении. О передаче прав на все интеллектуальные продукты, созданные в период брака. В графе «Компенсация» стояла сумма, которую я не смогла бы заработать за всю жизнь. Но подписи внизу...

Подпись была моей. Аккуратная, узнаваемая, с характерным росчерком в конце. Но я никогда не подписывала этот документ.

— Ты фальшивишь, — прошептала я, глядя на него. — Я не ставила эту подпись.

— Ставила, — улыбнулся Артем. — Когда мы расставались в прошлом месяце. Помнишь? Ты плакала, кричала, что хочешь уйти, что ненавидишь меня. Ты не читала, что тебе подсовывали, пока рыдала в подушку. Теперь попробуй доказать, что подпись не твоя. Но ты... ты всегда верила в хорошие намерения людей.

Лиза рассмеялась. Тихо, мелодично.

— Она действительно сумасшедшая, Артем? Извини, но она выглядит... нестабильно. Может, ей нужен врач?

— Ей нужна тишина, — ответил Артем, не глядя на меня. — А теперь послушай, Марина. Черновик восстановления «Евангелия Тарасова» продан. Контракт с аукционным домом Sotheby's заключен. Проект будет представлен как моя кураторская концепция. Авторство скрыто в интересах бренда. Оригиналы... ну, ты же видела, что они сгорели. В камине. Случайно. Во время уборки.

Мир качнулся. Я схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть.

— Это ложь, — сказала я, чувствуя вкус крови на губе, прикушенной от шока. — Ты не мог их сжечь. Это исторические документы. Они защищены законом об объектах культурного наследия.

— Закон защищает то, что имеет ценность, — Артем посмотрел на меня с жалостью. — А то, что создала ты — это всего лишь копия. Плохая, дешевая имитация. Настоящее искусство принадлежит тем, кто умеет его продавать. А не тем, кто возится с ним в подвале.

Я хотела кричать. Хотела ударить его. Но вместо этого я посмотрела на камин. Пламя ревело, пожирая остатки чего-то серого и хрупкого. Обломки пергамента. Мои заметки. Мои доказательства.

— Ты думаешь, я дура? — спросила я тихо.

Артем вздохнул, доставая телефон.

— Я думаю, что ты больна. И я собираюсь сообщить коллегам из музея, что тебе пора на отдых. Принудительный.

Он начал печатать сообщение. Экран телефона светился синим холодным светом, отражаясь в глазах Лизы. Она пила вино, наблюдая за этим спектаклем с аппетитом кошки, играющей с мышкой.

— Ты не можешь просто взять и уничтожить мою работу, — сказала я, делая шаг к камину. — Там был химический анализ красок. Спектральный профиль. Если кто-то проверит...

— Проверит что? — перебил Артем, блокируя меня корпусом. — Что ты крала материалы из музея? Что ты пыталась шантажировать меня? Посмотри на себя, Марина. Ты бледная, потная, с запахом химии от тебя несет на километр. Кто тебе поверит против меня? Против Лизы Кронберг? Против денег её отца?

Он показал экран телефона. Три точки загрузки исчезли: сообщение было отправлено.

Репутация, которую я строила годами, разрушалась одним движением большого пальца.

— У тебя пять минут, — сказал Артем, бросая на пол перед моими ногами пакет. Внутри лежала моя одежда, косметика, зубная щетка. Мелочи жизни. — Пока я не вызвал охрану как нарушительницу. Дом новый. Замок электронный. Коды изменены. Ты больше не живешь здесь.

Я смотрела на пакет. На огонь в камине. На лицо мужчины, которого любила семь лет. В его глазах не было ни капли сомнения. Ни капли вины. Только расчет.

Он был уверен, что победил. Он забрал все. Документы, работу, имя, дом. Он выгонял меня без документов — паспорт остался в сейфе. Телефон был на зарядке в спальне, куда мне запретили входить. В кармане куртки нашлась только мелочь.

Я прижала локоть к боку. Под рукавом царапал кожу край пергамента. Артем следил за моим лицом, ждал, когда я наконец заплачу; на рукав он так и не посмотрел.

— Хорошо, — сказала я. Голос был спокойным. Настолько спокойным, что это напугало даже Лизу. Она перестала смеяться.

Артем моргнул. Ожидал слез. Криков. Прошения.

— Я запомню каждое слово, — добавила я.

И я развернулась, чтобы выйти. Дверь квартиры хлопнула за моей спиной с глухим звуком выстрела. Электронный замок защелкнулся, отрезая меня от прошлого.

Глава 2

Я вышла на лестничную клетку. Тишина была оглушающей. Здесь пахло плесенью и старыми батареями. Свет мерцал, создавая рваные тени. Холод проник под куртку, обжигая кожу.

До следующего пролёта я дошла, держась за перила, и села на ступеньку. Колени больше не держали. Надо было согреться, решить, куда идти, проверить карманы. Я несколько раз сглотнула, пытаясь справиться с подступившими слезами: из-за них не получалось сосчитать даже мелочь.

Я сунула руку во внутренний карман куртки. Пальцы сомкнулись на жестком, шершавом краю.

Фрагмент пергамента. Размером с ладонь.

Кусок торчал из сброшенной со стеллажа коробки у кресла. Когда Артем показывал мне договор, отвлекая внимание, я незаметно сунула его в рукав, а у двери переложила в карман. На деле это был тестовый образец — фрагмент пробного листа реконструкции «Евангелия Тарасова», над которой я работала сегодня.

На нем была видна микроскопическая ошибка в грамматике древнего языка, которую могли заметить только специалисты высшего уровня. И водяной знак. Специфическая структура волокон, созданная мной вручную с использованием секретной рецептуры клеевого состава, которую я разработала специально для этого проекта.

Артем выставит копию как оригинал. Он продаст ее на мировом уровне. Он станет королем арт-рынка.

Но он не знал главного секрета.

Оригинал «Евангелия Тарасова» был утрачен сто лет назад. Я восстанавливала его по сохранившимся материалам, сверяя буквы и составы, пока копию не стало трудно отличить от древней рукописи. За эту работу мне выдали международные сертификаты. За эту работу, а не за открытие пропавшего оригинала. Но выдать её за древний оригинал — значит превратить мою работу в подделку мирового масштаба.

Если он представит это как оригинал, найденный им лично... он совершит преступление. Мошенничество с объектами культурного наследия. Обвинение, за которое можно получить реальный срок. Не штраф, который он оплатит и забудет.

А этот кусок пергамента в моей руке — доказательство авторства метода. Доказательство того, что я контролировала процесс создания. И главное — он содержит скрытый маркер. Химический код, видимый только в определенном спектре. Код, который Артем не мог удалить, потому что не знал о его существовании. Он думал, что сжег все носители данных. Он думал, что физическое уничтожение файлов гарантирует его безопасность.

Но файл был в бумаге. В структуре материала.

Я достала пергамент. В полутьме подъезда он выглядел как обычная старая кожа. Но я знала, что там, внутри волокон, спит приговор.

Шершавый край впился в ладонь, и я ослабила хватку: этот кусок должен уцелеть. Артем мог жечь бумагу сколько угодно. Свою подпись я уже оставила — в том шедевре, который он собирался продать.

Утро в Москве пахло мокрым асфальтом и чужим равнодушием. Я стояла перед стеклянными дверями Исторического музея, прижимая к груди почти пустой рюкзак, и чувствовала, как холод пробирается сквозь тонкую ткань куртки прямо в кости. Внутри было тепло. Там лежали мои скальпели, там была моя записная книжка с формулами пигментов, которые я смешивала три года, не смыкая глаз. Там была моя жизнь, упакованная в картонную коробку и помеченная красной лентой «Личное».

Артем сказал, что они будут ждать меня до полудня. Что это «бюрократическая формальность». Что если я не заберу хлам сейчас, его выбросят на свалку вместе с мусором после ремонта. Он знал, где именно хранятся архивные ключи от мастерской реставраторов. Он знал, что без этих инструментов я — ноль. Без журнала работы куда труднее доказать, что именно я восстановила «Евангелие Тарасова», а не он, со своим жалким талантом пересказывать чужие открытия.

Я вошла в холл и толкнула внутреннюю стеклянную дверь. Стекло дрогнуло, но не поддалось. Рядом висел терминал для пропуска. Старый, зеленый бейджик с моим именем и фото, сделанным еще в те времена, когда я улыбалась коллегам, был у меня на шее. Терминал мигнул красным: «Доступ запрещен».

— Отойдите, — раздался скрипучий голос из динамика домофона. — Лифт заблокирован по техническим причинам.

Я посмотрела на панель этажей. Кнопки третьего и четвертого, где находилась лаборатория, были выведены из строя. Индикатор горел ровным, безразличным оранжевым светом.

— Мне нужно подняться, — сказала я в микрофон, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У меня срочный доступ к личному инвентарю. Протокол увольнения позволяет...

— Двери лифта заклинило, мадам. Ждите ремонтную бригаду. Или идите пешком через служебный вход. Но туда только персонал. А вы, судя по лицу, не в штате.

Связь оборвалась с резким щелчком. Я осталась одна в холле. Звуки шагов других посетителей казались мне гулом прилива. Я направилась к служебной двери, спрятанной за колоннами. Столько раз я входила сюда с коллегами, здоровалась на ходу, несла в лабораторию кофе. Теперь пришлось заходить с тыла и доказывать, почему мне нужны мои же вещи.

Служебный вход охраняли двое. Молодой парень в синей форме скучающе листал ленту новостей в телефоне, а старший смены, грузный мужчина с лицом, изрезанным глубокими бороздами усталости, курил электронную сигарету, выпуская пар в потолок.

Я протянула свой бейдж. Палец слегка подрагивал.

— Ветрова Марина, отдел реставрации манускриптов. Нужно забрать личные вещи.

Старший смены даже не поднял головы. Он просто отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Пропуск аннулирован, гражданочка. Система показала статус «увольнение по статье за нарушение техники безопасности». Идите своей дорогой.

— Это ложь! — воскликнула я, чувствуя, как жар приливает к щекам. — Артем Ветров дал слово, что я смогу забрать инструменты. Это вопрос доказательств моего авторства!

В этот момент из-за угла вывернул курьер с огромной коробкой, перевязанной стрейч-лентой. Он остановился, увидев нашу перепалку, и достал телефон. Не для того, чтобы вызвать помощь. Для сторис.

— Опьянённая? Или просто дура? — пробормотал он себе под нос и поднёс камеру почти к моему лицу. Я отвернулась, но он переместил телефон следом, и за моей спиной кто-то тихо засмеялся. Чем отчаяннее я пыталась объяснить, тем удобнее была для его видео.

Охранник наконец посмотрел на меня. Его глаза были пустыми, как аквариум без рыбы.

— Вы нарушаете порядок работы объекта культуры. Если не удалитесь, я буду вынужден вызвать полицию. За вторжение на частную территорию.

— Я имею право по закону... — начала я, доставая из кармана распечатку приказа об увольнении, который Артем сунул мне сегодня ночью.

Но договорить я не успела. Дверь служебного входа распахнулась, и оттуда вышел Артем. Он был безупречен: серый костюм-тройка, идеально уложенные волосы, дорогое пальто, переброшенное через руку. Рядом с ним шел юрист — худощавый мужчина в очках с оправой цвета черепахового панциря, который всегда вызывал у меня тошноту.

Артем не кричал. Это было самое страшное. Он говорил тихо, размеренно, словно читал лекцию о правильном уходе за фарфором.

— Уберите этот мусор, — сказал он охранникам, не глядя на меня. Его взгляд скользил по стенам, оценивая чистоту плитки. — Она угрожает безопасности экспонатов. Психически нестабильна, склонна к истерикам. Вы же знаете протоколы.

Юрист добавил, улыбаясь одними губами:

— Если она не уйдет добровольно, мы зафиксируем попытку проникновения. Для суда это будет выглядеть как агрессия со стороны бывшего сотрудника против имущества работодателя. Вам же не нужны проблемы, господа?

Мои ноги стали ватными. Я смотрела на Артема, пытаясь найти в его лице хоть искру того человека, с которым я делила хлеб семь лет назад. Но там была только гладкая, отполированная уверенность хищника, загнавшего жертву в угол.

— Ты предатель, — прошептала я. Слово вырвалось само собой, сухим треском.

Артем повернул голову. На секунду наши взгляды встретились. В его глазах мелькнуло нечто похожее на скуку.

— Я прагматик, Марина. А ты — слишком мила для бизнеса. Иди домой. Здесь нет места для таких, как ты.

Артем коротко кивнул охранникам. Два охранника, словно по команде, схватили меня под руки. Их пальцы впивались в плечи так, что кожа натягивалась до боли. Они тащили меня к выходу, игнорируя мои попытки упереться ногами в скользкую плитку. Рюкзак сорвался с плеча и упал на пол. Содержимое рассыпалось: ручки, очки в незастёгнутом футляре, сложенный вчетверо договор. Артем смахнул со стойки коробку «Личное»; следом посыпались инструменты и мой блокнот.

Холл заполнился звуками. Стук моих каблуков по полу, тяжелое дыхание охранников, шорох бумаги.

Артем сделал шаг вперед. Он наступил подошвой своего дорогого туфля на мою записную книжку — томик, где были зафиксированы уникальные химические составы пигментов, которые я разработала для восстановления средневековых красок. Он медленно поводил ногой, втирая грязь в обложку, оставляя на ней чёрное пятно.

Наклонившись к моему уху, он прошептал, и его теплое дыхание обожгло мою кожу:

— Ты слишком мила для бизнеса, Марина. Оригинал сожжен. Копии не существует. А теперь исчезни.

Глава 3

Он выпрямился и поправил рукава пиджака. Юрист сделал вид, что проверяет часы. Охранники буквально вытолкали меня на улицу, захлопнув тяжелую металлическую дверь перед самым моим носом. Следом приоткрыли её и швырнули на тротуар рюкзак и остатки коробки. Блокнота среди них не было. Грохот замка эхом отдавался в голове, заглушая стук сердца.

Я оказалась на мокром тротуаре. Дождь усилился, барабаня по крышам машин и по моей голове. Холодные капли стекали за воротник, смешиваясь с чем-то горячим на щеке. Я не сразу поняла, что это слезы. Или кровь. Во рту появился отчетливый металлический привкус. Я прикусила язык от шока и злости, но не почувствовала боли, только притупленное онемение.

Вокруг уже собралась группа. Стажеры в белых халатах, курьеры, случайные прохожие. Никто не помогал. Никто не спрашивал, все ли в порядке. Они снимали. Десятки телефонов, вытянутых рук, мерцающих экранов. Моя история стала контентом. Развлечением для чужих сторис.

— Это же та сумасшедшая, которая жгла картины! — крикнул кто-то из толпы. Голос был веселым, почти праздничным. — Говорят, она ревновала мужа к музею!

Я стояла посреди лужи и никак не могла подцепить дужку очков: пальцы дрожали, мокрый металл скользил. На одной линзе разошлась паутина трещин. Вторая ещё была цела. Надо было поднять их, пока кто-нибудь не наступил.

Внезапно внутри меня что-то щелкнуло. Тихо, но отчетливо, как лопнувшая струна.

Я перестала плакать.

Гнев, холодный и чистый, заменил страх. Я медленно поднялась, отталкивая мокрый листок от себя. Взгляд мой упал на охранника, который только что держал меня за правую руку и теперь вышел к порогу. Он смотрел на меня с усталостью работника, который видел таких, как я, сотни раз. Я запомнила его имя на бейдже. Игорь. И номер смены. 4-В.

Игорь смотрел на меня, потом на дверь, словно ждал следующего приказа. Юрист уже скрылся за ней. Курьер всё ещё снимал, стараясь захватить и меня, и охранника. Я запоминала лица: кто слышал слова Артема, кто держал меня, кто заснял происходящее. Потом они станут отрицать это. Пусть попробуют — хотя бы на одном телефоне останется запись.

Я взяла один из своих инструментов, который чудом остался целым — маленький скальпель для очистки бумаги, лежащий рядом с разбитыми очками. Сжала рукоять и шагнула к порогу. Охранник Игорь перегородил мне путь. Я вскинула скальпель остриём к нему; он стоял так близко, что отступать было поздно.

— Верните блокнот! — мой голос сорвался, став хриплым и рычащим. Я едва узнала собственный голос. Блокнот был за его спиной, в нескольких шагах, и я всё ещё пыталась разглядеть его через плечо охранника.

Охранник не испугался. Он даже не напрягся. Просто сделал одно движение запястьем. Резкий, профессиональный удар ребром ладони по моим пальцам.

Скальпель вылетел из руки. Лезвие ударилось о кирпичную стену у входа и сломалось с тонким, жалобным звяканьем. Половинка металла упала в лужу, исчезнув в темной воде.

Звук падения металла был тише, чем биение моего сердца. Я стояла с пустой рукой, чувствуя, как пальцы сводит судорогой. Игорь остался на пороге, даже не посмотрев на сломанное лезвие. Я прижала ушибленные пальцы к груди. Весь мой рывок дал ему повод снова захлопнуть дверь — и ни на шаг не приблизил меня к блокноту.

Дождь лил стеной. Я стояла, опустив голову, и вдруг услышала смех. Высокий, мелодичный, звенящий. Смех ребенка, которому дали новую игрушку.

Я подняла глаза.

Из приоткрытого окна второго этажа, где был VIP-зал для музейных приёмов, на меня смотрела Лиза Кронберг. Она была в ярко-красном платье, контрастирующем с серостью улицы. В руке она держала бокал с шампанским. Она высунула руку в окно и плеснула шампанское из бокала прямо вниз, на меня. Капли ударили по лицу, смешиваясь с дождем.

Лиза смеялась, указывая пальцем на мои промокшие волосы, на мои дрожащие руки. На стекле за ней отражались люди с бокалами. Лиза обернулась к ним, потом снова ткнула пальцем в меня. Я вытерла щёку рукавом; от шампанского кожа стала липкой.

Я отвела от неё взгляд.

Я посмотрела вниз. На лужу, растекшуюся по асфальту. В ней отражалось небо, рваные облака и моё собственное лицо.

В отражении лицо было бледным, мокрые волосы прилипли ко лбу. Я отвела их ушибленной рукой и задержала дыхание, пока боль не отпустила. Потом ещё раз взглянула на окно. Лиза могла смеяться сколько угодно: состав моего пергамента ей всё равно не изменить.

Дыхание понемногу выровнялось. Артем уничтожил мои архивы. Он сжёг исходные записи. Но он оставил копию. Идеальную, безупречную копию «Евангелия Тарасова». Ту самую, которую он выставит как шедевр мирового уровня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.